

Составители:

ученики 2 "А" и 4 "А" классов

Средней общеобразовательной школы №4
им. В.Бурова

Редакторы:

классные руководители

Демина Елена Анатольевна,
Безрук Наталья Владимировна

Муниципальное образовательное учреждение
"Средняя общеобразовательная школа №4
им. В.Бурова"

Эпизоды

ВОЕННОГО ДЕТСТВА

г.Бежецк
2020 год

Рыбкина Галина Николаевна

ЭПИЗОДЫ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

«Думы о выживании»

Я провела свое детство в нормальных условиях военного времени: не испытала ни бомбежек, ни стрельбы, ни оккупации, ни бегства куда-то от войны. Ни нищеты, ни голода я не ощущала. В этом, конечно, заслуга моей мамы: она сама шила мне одежду и кормила тем, что давал рынок (тогда говорили «базар») и что выдавали по карточкам. Все, что было, я спокойно воспринимала как должное в тех условиях.

Но однажды я с тревогой подумала о том, как мы будем жить. Мне было четыре с половиной года, я сидела на кровати, закутанная в полотенце после мытья в тазу. Мама с соседкой разговаривали о только что введенной карточной системе, о том, что все будет продаваться по карточкам. А я, зная, что у нас очень мало фотокарточек (!), думала невеселую думу: как жить будем на наши карточки? Это был 1941 год.

«Детский сад»

Немного помню из этого периода, отдельные эпизоды (видимо, важные для меня тогда, раз они запомнились на всю жизнь).

Музыкальные занятия у нас вела Ольга Павловна Лобанова. Самих занятий не помню, но Ольга Павловна осталась в памяти как что-то светлое. Что мы пели, я не помню, но ее игру на аккордеоне помню, а также наши выступления перед ранеными в госпитале. Кормили нас, я думаю, неплохо, ибо ни чувства голода, ни ощущения невкусной еды не было. Но до сих пор помню незабываемый вкус хлеба с ломтиком омлета, которым нас, нескольких девочек, наградили за помощь на кухне – мы помогли чистить картошку. Омлет я люблю до сих пор.

В садик я ходила одна (да тогда мало кого провожали, да и провожали ли?), а оттуда, как правило, шла к маме на работу. Мама работала бухгалтером в Бежецкторге, и год делился на квартальные, полугодовые и годовые отчеты, во время которых бухгалтерия работала если и не ночами, то очень допоздна. Я там тихонечко спала, а потом у мамы на руках «ехала» домой.

Дети войны Бежецкого района

Запомнился плачевный эпизод самостоятельного хождения в садик.

Путь мой лежал от Красноармейской улицы по переулку Урицкого (ныне Воздвиженский), мимо церкви и пруда, у которого паслись гуси.

На мне было коричневое плюшевое пальтишко и такая же шапочка с красным бантом. Видимо, этот бантик и спровоцировал одного гуся, и он, шипя и агрессивно вытянув шею, пошел на меня. Я испугалась и повернула назад, но он не отступил. Я побежала, он за мной, догнал и, прыгнув мне на спину, стал долбить клювом по голове. И так он ехал на мне, пока я с ревом не добежала до улицы, где были люди и избавили меня от этого ездока. Вся в слезах и грязи я прибежала домой. Мама еще не успела уйти на работу, она умыла меня, кое-как почистила одежду (другого надеть было нечего) и проводила до садика.

Из своего детсадовского детства я хорошо запомнила урок честности, который преподала мне мама. Я как-то сказала, что у одной девочки в садике такое платье! у другой – такие туфли! У третьей мне еще что-то понравилось. Мама мне на это сказала: «Галя, если ты хочешь, у тебя будет много чего хорошего, у меня есть для этого возможности, но в один прекрасный день я окажусь в тюрьме». Вопрос был закрыт. Навсегда.

«Школа»

Проведя ниточку от урока честности, перейду к школе, куда я пошла в веревочных тапочках, связанных мамой. Другой обуви на почти теплый сентябрь не было. Но я пришла в школу с небольшим букетом цветов, которые нам разрешили нарвать в нашем садике. Я пошла в 1 класс в 1944 году. Не очень много запомнилось из начальной школы, но хорошо помню первую учительницу – Антонину Васильевну Беневоленскую. Сейчас в память о ней ухаживаю за ее могилой.

Был ли в школе свет в войну или его периодически отключали, не знаю, но помню уроки при свечах. Помню, что на завтрак нам давали кусочек черного хлеба с сахарным песком, и это было вкусно (это и был весь завтрак!). Потом, уже после войны, появился буфет, и там продавали пончики. Это был пир!

«Дома и в гостях»

Дома тоже света не было: как-то пришел электрик и перекусил провод у самой лампы. Основным источником света была керосиновая лампа. Она была почти произведением искусства: темно-синего стекла на высокой ножке с круглым основанием и рифленой емкостью овальной формы для керосина. Так что отсутствие света мы пережили без проблем.

А вот отсутствие дров для печки заставило нас перебраться к маминной подруге. В их восьмиметровой комнате мы размещались впятером. Особых проблем я не помню, но вот сохнувшую на печке мамину плюшевую жакетку помню. Маму и ее коллег посылали после работы на овощехранилище грузить квашеную капусту, доставая ее из глубоких (туда опускали лестницу) и широких чанов. Поэтому все «грузчицы» были в капустном рассоле.

Дети войны Бежецкого района

А поскольку жакетка была одна, ее мама отмачивала в тазу, выжимала и укладывала на печку-лежанку сушиться. А утром ее надевала и шла на работу. «Гостили» мы недолго. Как-то проблема с дровами была решена, и мы вернулись домой. Затопили печку, и, некоторое время спустя, все наши цветы на окнах упали: они оттаяли. Я-то не сразу поняла, что они замерзли: когда мы пришли, они стояли, как прежде. А у нас был цветущий олеандр!

Была у нас и печка-лежанка (изразцовая!), на которой мы вечерами сидели, и мама мне читала «Белеет парус одинокий». Откуда она брала силы на чтение! Но на этой печке можно было только согреться, а готовили мы на примусе. Он стоял в коридоре, где и у остальных соседей что-то стояло: керогаз, керосинка. Некоторое время у нас жили две женщины-военнослужащие. Им давали паек, и они с нами им делились. Помню конфеты из их пайка: круглые, как драже, большие, в коричневой глазури и внутри что-то вкусное.

Хорошо помню День Победы. Рано утром к нам пришла соседка и сказала, что война кончилась. Позднее я подошла к окну и увидела, как по нашей улице от Пушкинского переулка в сторону рынка шла группа детей (скорее маленький отряд) во главе с женщиной в красной косынке и с красным флагом. Я думаю, что они были из детского дома, который находился около церкви.

Кстати, церковь всегда была действующей, и меня в ней крестили сразу после войны. Низкий поклон бабушке за это!

«После войны»

Кроме радости от Победы, ничего в жизни не изменилось. Даже отмена карточек не очень изменила ее. Купить особенно было нечего. Помню, полки магазина на нашей улице были уставлены банками с крабами, но их не очень-то и брали. Как и в войну, вместо сахара чай пили с сахарной свеклой, а картошку «жарили» на воде, и там были поджаристые корочки.

Помню денежную реформу 1947 года. Деньги меняли 1 к 10. У нас с мамой проблем на эту тему не было: просто выдали очередную зарплату в новых деньгах. А обменивать было нечего.

Дети войны Бежецкого района

Кузнецова Ирина Павловна

ДЕТСТВО, ИСКАЛЧЕННОЕ ВОЙНОЙ

Все дальше и дальше уходят трагические годы, дни той войны, войны, которая оставила след почти в каждой семье.

Детская память цепкая, и хотя мне было 8 лет, я помню эти годы от первого до последнего дня.

22 июня 1941 года в воскресенье, в городе Бологое, где я жила, было массовое гуляние. Где-то днем я с подружками побежала домой (мы жили рядом с парком), смотрю, около репродуктора стоят заплаканные соседи и мама. Вот так я услышала страшное слово «война». Правда, я и не предполагала, что это слово принесет стране и лично мне. «Война» у меня ассоциировалась со светомаскировкой во время финской кампании. Но уже через неделю немецкие самолеты стали бомбить город. Первые зажигательные бомбы попали в деревянные дома, и они загорелись, как факелы. Конечно мы, детвора, побежали смотреть и поняли, что это далеко не «светомаскировка». И с этого дня начались систематические налеты немецкой авиации. Город Бологое – узловой железнодорожный центр. Нас школьников собрали и сказали: «Из совхоза ушло на войну много народа, и мы должны помогать на прополке овощей». И вот мы каждый день ходили в совхоз, пололи морковь, свеклу. С содроганием сердца ждали ночных налетов, прятались в огороде, в бороздах. Казалось, что это защита.

А ровно через месяц с начала войны произошло то, что стоит перед глазами и сейчас. Ничто не предвещало этой трагедии. Ведь налеты были в основном ночью. Мы с маленькой сестренкой отправились навестить папу, он работал директором фабрики-кухни, которая круглые сутки обслуживала беженцев. Эшелоны с людьми шли день и ночь. Часа через 2-3 мы отправились домой. Прошли мы совсем немного и вдруг услышали: «Граждане, воздушная тревога!». Вдоль дороги были вырыты канавы, и все, кто был на улице, попрыгали туда. И тут начался настоящий ад. Со свистом падали бомбы на железнодорожные пути, и стали рваться снаряды.

Дети войны Бежецкого района

Дело в том, что на путях были сконцентрированы составы со снарядами, цистерны с горючим и состав с беженцами.

Мгновенно вспыхнуло горючее, и языки пламени, казалось, сожгли все вокруг. Весь народ бросился к озеру. Какая - то женщина схватила сестренку на руки, и мы тоже побежали к воде. Крики ужаса раздавались кругом. Люди из эшелона бежали с детьми на руках, а сзади рвались снаряды, полыхал огонь. Уже потом мы узнали, что это было вредительство. Очень много было жертв. Гибли люди, горели дома, расположенные вдоль железной дороги. Еще долго в воздухе носились хлопья гари. Слышала разговоры взрослых, что начальника станции расстреляли за то, что эшелоны стояли один около другого, и, главное – в середине их был эшелон с людьми. У немцев была задача разбомбить мост, как мы его называли «висячий». Но, по-видимому, высшие силы берегли его. Ведь это была дорога, через которую шли эшелоны на запад. Это всего один эпизод. А бомбили Бологое почти ежедневно. С немецкой пунктуальностью, каждый вечер, в одно и то же время, летели самолеты со смертоносным грузом.

В каждую семью вошло, в той или иной степени, горе. Отец у меня ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб под Смоленском. Умерла и мама. Вот так трагически перечеркнула жизнь нашей семьи война.

Дети войны Бежецкого района

Корнилова Екатерина Ивановна

О ВОЙНЕ

Детство мое проходило во время войны. Наша деревня Ругатино находилась в семи километрах от города. Я помню, как провожали папу на войну: был жаркий летний день, третий день войны. Папе было 49 лет, он был одет в черный костюм, белую рубашку, в летнюю обувь. Папа был веселый, смеялся, говорил, что через три дня вернемся. Он не верил, что война долго продлится. Вместе с папой отправляли молодого мужчину, который держал на руках девочку до года - маленькую доченьку.

Папа копал противотанковые рвы под Осташковым. Домой вернулся в январе 1942 года в той же одежде, только на нем была еще рваная фуфайка, из которой торчала вата. Он был уже тяжело болен, долго лечился, и его оставили работать в милиции. Зима была снежная, холодная, мама каждый день с лопатой ходила расчищать железную дорогу к деревне Вьюгово от снега.

В нашей деревне стояла воинская часть. У нас в доме жили трое военных: один был постарше, одет в белую шубу, на голове папаха, на боку планшет. Второй был моложе, одет так же. А третий – молодой паренек (так его называла мама). Они приносили обед, я помню, как угощали нас пшенной кашей. А вечером, в сумерках, военные пригоняли машины. В деревне говорили, что они занимались их ремонтом. Нас, детей, они катали на машинах, поднимали на руках и сажали в кузов, и обратно сами снимали. Мы слышали разговор, что эти машины с вечера уезжали в Калинин, возили боеприпасы, а оттуда привозили раненых. В кузов ставили елки, как будто везут лес. Такие машины мы видели вечером. Военные жили в нашем доме одну осень и зиму.

У нас была корова, овощей заготовили целый подвал, и мама кормила многих людей. В то время ходило много беженцев - голодных, больных, измученных. Мама ставила на стол молоко, творог, горячую картошку, и всех, кто заходил, кормила, успокаивала, а сама плакала.

Однажды мама убирала снопы на усадьбе, подняла один, а под ним спит парнишка, уже посинел и не просыпается. Мама стала будить его, а он весь трясется. Она привела его домой, накормила, уложила спать на печку, а мы пошли на речку белье полоскать. Пришли, он так и спал. А потом мальчик рассказал нам, что он из деревни, из-под Осташкова. В их деревню пришли немцы и стали собирать жителей, а он огородами выбежал на шоссе. Мимо шла полуторка, он туда забрался и ехал очень долго. Спрыгнул, когда переехал мост через реку Остречину у деревни Вьюгово и полем прошел к нашей деревне, минуя дорогу, которая вела к поселку Сонково.

Дети войны Бежецкого района

Беженцев разводили на ночлег по очереди. Однажды у нас ночевали четыре допризывника. Они шли в город на сборный пункт. А в сельсовет позвонили, чтобы их задержали до особого распоряжения, они и жили у нас три дня. Так как все мужчины ушли на фронт, мама спросила ребят – смогут ли они зарезать поросенка. Они зарезали, а мама жарила им печенку и мясо.

Даже лошадей нормальных забрали, остались две старенькие лошадки, которые еле ходили.

В деревне был сельсовет, дежурил участковый милиционер. В домах свет не включали, все маскировали. Из сельсовета ходили и проверяли, у кого увидят свет – наказывали.

Я помню, как в пустом доме устраивали гулянье. Мы с мамой ходили. Плясали девушки, солдаты, каждый по-своему – кто вприсядку, кто «яблочко», кувыркались - было очень весело. Может быть, устраивали вечер перед отъездом на фронт? Я помню, как пели девушки частушки:

«Ой, война, война, война. Ой, война жестокая.

Девушки, из-за войны хожу я одинокая».

У меня был старший брат, ему тогда исполнилось 13 лет, он с друзьями-мальчишками организовал штаб, где они собирались. Им в деревне давали какие-то задания, например, выслеживать диверсантов. Одного мужчину сдали в сельсовет, они за ним следили, знали, где он прятался. А потом отправили его в милицию. Мальчишки все собирались убежать на фронт, но их снимали с машин и говорили, что ехать надо долго, наверху, в кузове, замерзнете.

В деревне появился мужчина с сыном; там, где они жили, все разбомбили, но уезжать никуда нельзя: сын допризывник на учете в райвоенкомате. Он рассказал, что ближние ребята питаются вместе, а его сын уйдет в уголок и один ест, так как ему носят только хлеб. Мама собрала ему узелок.

Мамина сестра, тетя Катя, жила в Ленинграде, у нее было четверо детей, муж умер. Старший сын учился в ремесленном училище, их посылали сопровождать машины на Ладожском озере, и он пропал без вести. Средний сын умер от голода. Она выехала из Ленинграда с двумя детьми, ехали по северной дороге очень долго. В дороге, не доезжая до города Красного Холма, умерла маленькая (11 лет) дочка. Тетя просила, чтобы ее оставили довести до Бежецка, но ей не разрешили, и она приехала к нам только с младшим сыном. Я помню, как она вошла в дом, худая, еле стоит, я даже испугалась. Мама вышла из кухни, подошла к ней и не узнала. Потом посадила ее, помыла ей руки и стала кормить, но просила, чтобы она много не ела.

После войны многие не вернулись домой, а если и вернулись, то больными или инвалидами. У нашей соседки (она жила через дом от нас) не вернулись три сына. Вот сколько слез принесла война.

Дети войны

Бежецкого района

В конце войны моего 15-летнего брата и его друга Мишу Лебедева из соседней деревни отправили в г. Осташков возить дрова в учреждения и дома. Ребята работали целый день в снегу, домой приходили мокрые и усталые. А потом закончились продукты, и корма для лошади не хватало. Лошадь была очень слабая, еле-еле передвигала ноги. И сами голодные, и лошади голодные. Брат вспоминал, как многие председатели предлагали оставить лошадь и давали акт выбраковки лошади, и деньги, а значит, и сам будешь сыт, и до дома доедешь. Брат не соглашался, хотя знал, что можно заехать за деревню, и лошадь сдохнет, и сам голодный погибнешь. Но он все-таки доехал, даже дотащил лошадь под уздцы. Председателем сельсовета был Юденков Николай Георгиевич, он обнял брата и заплакал: перед ним были почти два трупа. Вот такие были преданные делу люди.

Во время войны мы уже по звуку определяли, какой самолет летит - наш или немецкий. Немецкого звука мы боялись, бежали прятаться. Сейчас современные самолеты иногда летят с таким же звуком. Я поднимаю голову и говорю: «Как немец летит». Вот все, что я помню.

Дети войны Бежецкого района

Кутилькина Тамара Михайловна

*«Дети и война – нет более ужасного
сближения вещей на свете»
Твардовский А.Т.*

Для каждого поколения приходит рано или поздно тот час, когда оно должно взять на себя равную со старшими меру ответственности. В обычных условиях это происходит постепенно. В суровую военную пору это случилось сразу и задолго до обычного срока. Дети войны – самые обыкновенные мальчишки и девчонки. Пришел час, и они показали, каким огромным может стать маленькое детское сердце. Их повзрослевшее детство наполнено тяжелыми испытаниями, такими, что придумай их даже очень талантливый писатель, в них трудно было бы поверить. Дети во время войны работали на заводах и в полях наравне со взрослыми, помогали в госпиталях, шили кисеты, вязали варежки. Судьбы детей военной поры похожи. Война стала общей их биографией. Их рассказы - длиной в целую войну...

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

*«Нам за всеми памятливыми датами
Видится главнейшая одна -
День, когда весной сорок пятого
На земле закончилась война».*

Война – тяжелейшее испытание для любого народа. Своей жестокой рукой война коснулась каждой семьи, каждого человека, и «никто, ничто не сможет память от той войны освободить».

И вот сегодня я вспоминаю то, что осталось в моей памяти о моих родителях, родных, друзьях – о моем детстве, опаленном войной. И военные стихи моего любимого поэта К. Симонова.

Дети войны Бежецкого района

Когда началась война, мне было 6 лет, поэтому в памяти осталось совсем немного. Семья наша жила в Бежецке на Красноармейской улице, недалеко от дома было вырыто бомбоубежище. Папа ушел на фронт. Помню: объявлена воздушная тревога. Соседи спешат в бомбоубежище, а мама идет дежурить в контору, где она работала. Берет с собой меня, а я беру свою куклу. Помню вечера с лампами-коптилками и завешенные, затемненные окна. Вскоре из Весьегонского района за нами приехал дедушка на лошадке, запряженной в телегу. И вот я, Саша (двоюродный брат), его мама погрузили на телегу кое-что из одежды, немного еды и поехали. Моя мама осталась. Ехали мы долго (120 км.) днем и ночью, было холодно, хотелось есть и пить. Пили воду из колодца в какой-нибудь деревне. На ночлег нас пустили добрые деревенские жители.

Наконец-то наша деревня Ручьи! Стали жить все вместе: дедушка, бабушка, тетя Лиза, я, брат Саша (5 лет), сестра Галя (3 года). Когда началась война, бабушка была в Ленинграде, где жила Галя с папой и мамой. Бабушка уехала из Ленинграда вместе с Галей. Галина мама осталась в блокадном Ленинграде, где и умерла.

Помню, как бабушка пекла в русской печке хлеб (мука была с какой-то травкой). Мы, дети, лежим на полатах, и свесив голову, с нетерпением ждем, когда бабушка даст нам по кусочку черного хлеба.

Наступил 1943 год, мне пора в школу. Дедушка повез меня домой, в Бежецк, как добрались до железнодорожной станции, не помню. Но хорошо запомнила, что до станции Сонково ехали в вагоне военного эшелона вместе с солдатами-фронтовиками. А от Сонкова до Бежецка – тоже эшелон, вагон, в котором везли лошадей.

По возвращении домой до 1 сентября ходила в детский сад. Помню, как воспитательница сказала, что завтра нас кормить не будут, велела принести что-нибудь из дома. Я принесла кусочек черного хлеба с куском вареной свеклы. На весь день. И вот я в школе № 2 на Красноармейской улице. Учительницу звали Елизавета Александровна. Вместо тетрадей у нас были то ли книжные, то ли газетные листы, и мы писали между строчками текста. Все время хотелось есть. А соседка положила на край парты кусочек хлеба – белого! Все поглядывают, плотая слюнки. Учительница говорит: «Валя, убери!».

Но вот радость: концерт в госпитале для раненых бойцов! Так хотелось матросский танец станцевать или прочитать стихотворение, надев военную пилотку или фуражку. Подарок по окончании выступления – карандашик от раненого бойца. Наш дом - дом, из которого папа ушел на фронт и вернулся с фронта, в котором я жила очень долго. Это дом родных и друзей.

Дети войны Бежецкого района

«Дом друзей - в нем свои есть
Заботы, потери, -
Он в войну и с вдовством
И с сиротством знаком.
Но в нем горю чужому

Открыты все двери», - так сказал К. Симонов в стихотворении «Дом друзей».

В нашем доме и радостью, и горем соседи делились всегда: приехал на побывку - радость; вернулся с фронта - радость! Но многие погибли: муж тети Лизы, муж тети Нюры. Лишились отцов мои друзья: Боря, Женя, Валя, Витя, Эля.

А наши мальчишки-старшеклассники рвались на фронт.

«Ах война, что ты сделала, подлая,
Стали тихими наши двory,
Наши мальчишки головы подняли
Повзрослели они до поры.
На пороге едва помаячили
И ушли за солдатом солдат.
До свидания, мальчишки!
Мальчишки! Постарайтесь вернуться назад!»

Из нашего двора убежал на фронт Алик (Альберт) Агеев, из соседнего - Слава Дюков. Алика вернули домой - молод еще! А вот Слава погиб на фронте. Дороги войны. Они были суровы для всех. Передо мной лежит военный билет моего папы: Алонцев Михаил Иванович. Военное звание - старший сержант, наименование военно-учетной специальности - шофер, командир отделения.

И снова – К. Симонов «Шоферская»:

«... ты, ведя колонну
Под бомбами, не дую в ус,
За перегоном перегоны.
Гнал фронту драгоценный груз.»

Дети войны Бежецкого района

Из писем моего папы

Сентябрь 1942 года. «Работы много. Готовимся к зиме. Да, уже ко второй в условиях войны. Но это не страшно. Опыт у нас есть».

Март 1943 года. «Работы много. Работаем иногда по несколько суток подряд, без сна и отдыха. Несколько дней назад я так утомился, что во время работы допустил оплошность и попортил глаза, несколько дней ничего не видел и не работал. А работать надо! Дела на фронте пошли в гору. Теперь мы гоним фрицев!!»

Когда я держу и перечитываю письма, вспоминаю: мама топит печку, смотрит на огонь и плачет, от папы давно нет писем.

Письмо пришло! Радость! И в каждом письме: ждите меня! Жди меня!

«Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло...
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.»

Этими словами К. Симонов выразил мысль сотен тысяч людей о том, что их ждут, и это ожидание смягчает для них тяготы войны, а подчас и спасает. День Победы! Как он был от нас далек! И вот 1945 год. 9 мая. Победа! День великого всенародного торжества. Слезы счастья и...горя. В городе митинг. Мы – школьники, старшие и младшие (я заканчиваю 3 класс), – его участники. И снова ожидания. Когда вернутся отцы, братья. Ждем! Ждем! И вот папа вместе с нами! Я не помню, что он говорил о войне. Свято берегу его письма, две крохотные фотографии тех лет и награды: два ордена, медали. О своих друзьях-ровесниках, детях войны, скажу словами поэта Ю. Жукова:

«Мы не шли по военным дорогам
И не падали под огнем.
Только много, неслыханно много
Сохранили мы в сердце своем.»

Дети войны Бежецкого района

Ксенофонтова Людмила Николаевна

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ. ДЕТСТВО.

30 апреля 1941 года мне исполнилось 5 лет, а 22 июня в 4 часа утра началась война. Наша семья - папа, Крылов Николай Владимирович, мама, Мария Ивановна, моя младшая сестренка и я - жила в самом конце улицы Кашинской. Это был дом бабушки. В начале войны бабушка в огороде сделала бомбоубежище, и мы там прятались, когда прилетали немецкие самолеты.

Зима была холодная, и в конце декабря мы поехали в Ульяновск. До Ульяновска мы ехали 2 недели в вагонах для скота. В каждом вагоне было по 4 семьи, спали на нарах, внизу стояла железная печка, она топилась без остановки. На ней мы варили суп, кашу и еще что-то. На станциях стояли сутками. Местные жители приносили хлеб, колбасу и другие продукты и спрашивали, какой семье это отдать, голодными мы не были. Когда подъехали к Рыбинску, увидели много составов, и вдруг появился немецкий самолет и стал бомбить. Мужчины хватали детей и бежали в сторону от дороги. Немец улетел, и наш состав поехал, нас на ходу запикивали в вагоны. Всю дорогу мы ехали в одежде и приехали в Ульяновск с чесоткой. Там нас привезли на главную улицу (не помню названия). Улица была большая, посередине росли деревья, по краям посажены цветы. Рядом, через дорогу, был сад. Помню, мы гуляли во дворе, а по улице милиционер вел двух заключенных. Около парка один бросился в ворота сада, милиционер выстрелил и побежал за ним. Мы увидели, как человек упал, испугались и убежали домой.

В подвале дома папа и дядя Лева Первухин соорудили из досок комнату и разгородили ее. В комнате слева жили мы (нас было 4 человека), а в комнате справа – Первухины (их было 6 человек: двое детей, тетя Капа, дядя Лева, его больной брат и мать). Вот так мы и жили очень дружно три года. Дядя Лева ходил на охоту, если убьет двух уток, одну даст нашей семье. А нам, деткам, еще и по кусочку хлеба, скажет: «Это лисичка принесла».

Папа строил завод за Волгой, построили его за 3 месяца. Потом папа долго болел, ему дали инвалидность.

Дети войны Бежецкого района

Папиных учеников стали брать на фронт, они приходили к нам прощаться, все в военной форме. Я помню одну девочку в шинели - высокая ростом, коса на голове, на косе шапка военная. Помню, как уходил добровольцем на войну мамин брат, ему было всего 17 лет, через два месяца он погиб. Маме прислали похоронку, но мамы в тот момент не было дома. Ее прочитал папа и спрятал от нас. Мама пришла домой, а я ей говорю, что папа получил письмо. И пришлось папе отдать эту похоронку, а там написано, что погиб брат Павлик. Мама долго плакала.

В Бежецк мы возвращались на пароходе. Плыли от Ульяновска до Рыбинска по Волге даже на трех пароходах. Все сидели на палубе, а народу было очень много. В Рыбинске пересели на поезд и поехали домой.

Когда жили в Ульяновске, с нами в подвале жила семья из Сталинграда. Я так им хвалила свой город, что одна девочка, когда мы уезжали, расплакалась, говорила своей маме: «Хочу в Бежецк».

Когда мы приехали в Бежецк, вышли из вагона – увидели, что вокзал разбомбили, на его месте лежала куча кирпича. Мы пошли на нашу улицу Кашинскую. Наш дом был четвертый от конца. Это теперь улица увеличилась почти на 2 километра. После войны хотелось побывать в Ульяновске. Когда мои дети были маленькие, мы плавали от Рыбинска до Казани, были один раз и в Ульяновске, но только на берег вышли, а по городу не ходили. Помню, были мы в Ульяновске в музее Ленина. Музей был маленький, в три окошечка, стоял за оврагом. Там мы видели открытые тетради Владимира Ильича. Вышивки и вязание его мамы. Только не знаю, есть он сейчас или нет.

Дети войны Бежецкого района

Чернов Сергей Петрович

МАЛЬЧИШКИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Родился 9 октября 1935 года в деревне Иванково Васюковского сельского совета. Наша деревня насчитывала 33 дома, а колхоз назывался «Красная Заря». Семья состояла из 7 человек: отец, мать, дедушка, бабушка и нас трое детей. Я был самым старшим. В июле 1941 года принесли повестку отцу, и мать повезла его на лошади на призывной пункт в город. Все тяготы семейной жизни в это лихое время легли на мать. Но и нам, деревенским подросткам, приходилось работать – боронить, пахать на лошадях, вывозить навоз на поля. Летом 1942 года кончилось мое детство. В колхозе был отведен участок земли под овощи, которые отправляли для фронта, и нас, ребят, посылали на прополку этого участка. В середине лета, когда начинал цвести лен, мы с женщинами выдергивали сорняки, а осенью, в начале сентября, участвовали в обмолоте льна. Для этого расчищали 100 метров дороги и специальными катками из бетона, верхом на лошади, дробили головки льна. Эта была наша работа – целый день ездить катком по разосланному льну. За день так наездишься, что к вечеру идешь домой, еле переставляя ноги. Потом мяли лен ручными мялками, приспособленными к конному приводу. Так было и в 1943, и в 1944 годах. А летом 1944 года пришлось ездить сдавать сено на сенопункт, который находился на месте теперешнего льнозавода. Хорошо, если попадет низ скирды, а то все руки в мозолях, и сам весь мокрый. Ну а весной 1945 года я уже боронил и пахал пашню. Голодный 1947 год помнили долго. Собирали весной на полях оставшуюся картошку, пекли картофельные лепешки. Летом мать подрядила меня пасти деревенских телят, чтобы иметь хоть небольшой приработок. 1 сентября я должен был идти учиться в пятый класс в Сукроменскую среднюю школу, но так как пасти телят было некому, меня сняли со школы. Зимой ездили за 12 км. в лес за двухметровыми чурками и вывозили их в село Присеки, откуда их весной сплавляли по реке в город.

После окончания в 1951 году семи классов, я поступил в ремесленное училище по специальности токарь. Закончил училище в 1953 году, получив четвертый разряд. Хорошие воспоминания у меня остались о нашем мастере и наставнике Сорокине Владимире Ивановиче.

Осенью 1954 года я был призван в ряды вооруженных сил СССР. По распределению попал служить в военно-морской флот на пять лет. Службу проходил на тральщике, обезвреживал от мин Балтийское море.

Дети войны Бежецкого района

Осенью 1958 года, после демобилизации, устроился на завод «Бежецксельмаш» токарем на автоматическую линию, где и проработал до 1960 года. В то время в школах ввели трудовое обучение, и у нас на заводе был создан цех по обучению школьников профессии токаря, куда я был назначен мастером. Помню радость моих учеников от первого полета человека в космос, я даже устроил им выходной.

В 1968 году перешел работать токарем на завод ЖБК в отдел механика. Без отрыва от производства поступил и окончил вечернюю школу на «хорошо» и «отлично». В 1972 году завод приобрел стыковочный станок для сварки стержней арматуры, на который я был переведен. К 30-летию Победы в городе был поставлен памятник, в котором есть и частица моего труда – я варил стержень на стыковочной машине.

В 1985 году был переведен в конструкторский отдел. За время работы на комбинате, выполнял общественные поручения. Был заместителем председателя завкома, начальником народной дружины, председателем товарищеского суда. Проработал на комбинате с 1968 года по март 1996 года токарем, слесарем, сварщиком.

Дети войны Бежецкого района

Григорьев Владимир Павлович

ДЕТИ ВОЙНЫ

Я родился 9 января 1937 года. Помню те далекие довоенные, военные и послевоенные годы. Детство проходило в г. Бежецке и деревнях Сонковского района. Родители из крестьян. Отец, Григорьев Павел Михайлович, 1914 года рождения. Мать, Григорьева Мария Михайловна, тоже с 1914 года. Брат Григорьев Евгений Павлович, 1939 года рождения. Сестра, Григорьева Зинаида Павловна, 1945 года рождения. Отслужив кадровую службу в частях Красной Армии, отец вернулся домой, и мы переехали жить в г. Бежецк. Отец поступил работать в пожарную охрану в поселке Сельмаш. Там нам дали небольшую комнату в двухэтажном деревянном доме на улице Рабочей. На первом этаже был магазин, на втором - наша комната с видом на железную дорогу. Я любил смотреть на проходящие поезда. Чтобы я не капризничал, отец давал мне молоток и пистоны, по которым я стучал на лавке. Мать ругала отца за это. Помню, как отец вернулся домой с тушения пожара весь обледеневший. Мать поливала горячей водой из чайника на пуговицы, чтобы их расстегнуть.

За год до начала войны мы переехали в Рабочий городок, раньше это был Благовещенский женский монастырь. Нам дали угловую комнату в корпусе номер семь на первом этаже. Рядом было здание ткацкой фабрики, на которой работала моя мать. Видел, как приезжала машина и грузили готовую продукцию. В настоящее время это здание старой поликлиники. А во время войны его разбомбили, остались одни стены. Там мы с ребятами играли в войнушку.

С началом войны отец ушел на фронт, и у нас началась новая трудная и голодная жизнь. У моего деда, Григорьева Михаила Григорьевича, 1884 года рождения, было пять сыновей и одна дочь. Все сыновья были на фронте: Евгений, Владимир, Павел, Михаил, Сергей. Мария жила в рабочем городке. Мой дед воевал в первую мировую войну. Моя бабушка, Матрена Евгеньевна, 1887 года рождения, родом из Москвы. Помню, как она над нами подшучивала, но была всегда добрая и заботливая. Но дед для меня был ближе, любил и баловал. Возвращаясь с сенокоса, приносил ягоды земляники в берестяном теске. Давал ружье подержать. Но я его не удерживал, и он говорил, что я мало каши ел. Война. Шло время ожиданий и переживаний. Пришло первое извещение, что Евгений пропал без вести. Через некоторое время пришла похоронка на Владимира, он был летчиком, сбит над Черным морем. Его сын, Володя, мой двоюродный брат, находился в это время у деда в гостях.

Дети войны Бежецкого района

Когда моя мать привезла меня погостить в деревню к деду, произошел такой случай. Только сошли с поезда на станции Подобино и направились через поле в деревню, в это время поезд отошел со станции, налетел немецкий самолет и стал обстреливать поезд. Поезд встал, открылись все вагоны, и народ, как ручейки, разбегались по полям. Самолет кружил и стрелял по ним. Когда приближался к месту, где мы бежали, мать накрывала меня своим телом и говорила, чтобы я не высовывался, а то убьет.

Помню то время. Через нашу деревню Гостинницы проходила дорога, ведущая из деревни Сулега на станцию Подобино. Она пересекала деревню пополам. Мимо нас проходили колонны солдат с утра до вечера. Мне казалось, что эта колонна никогда не кончится. У дома стояла большая деревянная бочка. Дед мой носил воду из колодца и наполнял ее. Бабушка наливала фляжки подходившим солдатам. Я стоял рядом с бочкой. Один солдат потрепал мои волосы. Я тогда еще подумал: почему они без оружия? Редко у кого была винтовка. В это время со станции Подобино шли эшелоны на фронт. В нашей деревне стояла воинская часть. За нашим огородом был большой бревенчатый сарай, где дед хранил сено. В этом сарае солдаты отдыхали. Немного дальше была рига, в которой дед сушил снопы овса, ячменя, потом обмолачивал. Там сделали вроде столовой и склада. Кашу варили в большом котле, который стоял на канаве ранее размытой дороги. Деда солдаты иногда угощали тушенкой с макаронами. В трех километрах от нашей деревни стоял маяк - наблюдательный пункт. С него был хороший обзор всей местности вокруг до самого города. Возле стояли пушки. Рядом была деревня Холм. Нас, любопытных ребят, туда не допускали. Однажды мы собирали грибы в нашем лесу Ореховец и нашли парашют, о чем доложили командиру. После чего солдаты прочесали лес и обнаружили корректировщика огня, засланного немцами. Его потом расстреляли в березняке. Однажды, сидя на крыльце, видел такую картину: бабы с граблями шли шевелить сено на луг через наш прогон. Неожиданно над ними появился самолет и так низко, что они попадали в пыль на дороге. Я увидел лицо летчика, он улыбался через открытую кабину. Ночью и днем мы видели пожары и дым. Это бомбили Бежецк. Запомнился мне такой эпизод: вечером в доме деда собирались старики узнать новости. Сидели на полу, прислонившись к стенке, и курили «козью ножку» (самокрутки из газеты с табаком). Дед сам выращивал табак, умел его готовить. Угощал всех. Сидели допоздна при лучине. Керосин берегли. Бабушка вставляла лучину в зацеп и зажигала, а потом весь вечер меняла сгоревшие на новые. На полу стояла бадья с водой, куда падали искры и угольки. Разговор шел о боях подо Ржевом. Говорили, что там настоящая «мясорубка», так они выражались. Шли кровопролитные бои. Теперь нам известно, что там погибли около двух миллионов человек.

Дети войны

Бежецкого района

Пришло известие о ранении моего отца Павла. Его ранило под городом Руза. Оборона Москвы. Госпиталь. После лечения направлен в учебный пункт по подготовке кадров младшего командного состава в районе города Гороховец. Он прошел кадровую службу, имел боевой опыт, чтобы учить пополнение. Был ускоренный выпуск: три месяца и на фронт.

Уже после войны мы просили его рассказать о войне, он неохотно говорил об этом. Война – это кровь, грязь, трупы, смерть. Вот несколько рассказов. «Трудно было, когда бои шли в зимнее время. Целый месяц в окопах. Большие потери не только от пуль и снарядов, но и от мороза. Люди просто замерзали. Морозы стояли подолгу. Было такое. Надо выбить немцев с одного сильно укрепленного пункта, перед которым протекала речка. Когда масса бойцов вышла на лед, занесенный снегом, лед не выдержал, стал проламываться, и бойцы тонули. Спасение их было просто невозможным. Сзади напирала и шли уже по трупам».

Отец вспоминает, как он весь мокрый в мороз вместе с другими ползком под градом пуль и разрывов снарядов продвигались к этому пункту с задачей выбить немцев. В другом бою наступали на одну деревню. Сильный встречный пулеметный и минометный огонь. Мы, говорил отец, договорились с другом о помощи, если ранит кого-то из нас. Ползем. Я оглянулся назад, а его нет. Потом увидел: сидит и приставляет себе оторванную снарядом ногу.

Не всегда тылы успевали за наступающими войсками, поэтому питание не всегда приходило вовремя. Отец был командиром, и солдаты просили у него разрешения сделать вылазку и отбить продукты у немцев. Вначале не разрешал, потом заставила нужда. Принесли мешок хлеба с тушенкой и маслом.

В 1943 году мне уже шел седьмой год. Меня приняли в школу, в первый класс. Школа находилась на улице Льва Толстого, в старинном деревянном доме № 51. Он и сейчас там стоит.

Во втором и третьем классе я учился уже в другой школе, которая находилась на улице Большая, дом 63. В настоящее время в этом здании находится музей имени В.Я. Шишкова.

Помню налеты немецкой авиации и бомбежки нашего города, в основном по ночам. Мы спали и слышали натужный гул самолетов-бомбардировщиков и отдаленные взрывы. Но в одну из ночей дошло и до нас. Бомбили Рабочий городок. Наш дом горел. Горели сараи. Мы бежали на песочную яму, почему-то думали, что там безопаснее. На крыши домов падали зажигательные бомбы. Ребята постарше и смелее сбрасывали их лопатами и просто руками в рукавицах. Когда мы вернулись к своему дому, вещи из нашей комнаты лежали кучей перед нашим окном. Дом еще горел, и люди, выстроившиеся в «цепочку», передавали ведра с водой и заливали огонь. Несколько вещей пропало. Среди них мой желтый столик, за которым я учил уроки. Мне было очень жаль его.

Дети войны Бежецкого района

Моя мать, Григорьева Мария Михайловна, 1914 года рождения, относилась к древнему поселению карел, переселенных из прибалтийских стран в 16-17 веках на запустевшие земли Бежецкого края. Была целая карельская волость, 50 тысяч человек, севернее города Бежецка. Семья по линии матери состояла из восьми человек. Отец ее, Корсаков Михаил Иванович, – «десятитысячник», работал председателем колхоза. Ее мать не помню, мало видел. У них было шесть дочерей: Анастасия, Анна, Ольга, Екатерина, Татьяна и Мария, моя мать. В войну Анна и Екатерина оказались в блокадном Ленинграде. Анастасия и моя мать переехали в город Бежецк, в Рабочий городок. Остальные остались жить в деревне. В 1943 году, в начале осени, мать вернула нас с братом снова в город. С семи лет пошел в школу. Налеты вражеской авиации продолжались. В одну из ночей разбомбили военный госпиталь. Накануне днем мы с ребятами ходили смотреть, как за оградой ходили забинтованные раненые: у кого голова, грудь, кто на костылях. Они сидели на скамьях, вокруг заросли акацией и цветы. Светило солнце. И вот после ночной бомбежки мы пришли смотреть, что случилось. От кирпичного двухэтажного здания, в котором находился госпиталь, осталась куча дымящихся кирпичей и торчащие койки. Рядом с нашим домом сгорел двухэтажный деревянный дом, его еще называли «дом Ревякиных». Остались неповрежденными старинный дом рядом с госпиталем – тубдиспансер и небольшой двухэтажный дом, где располагались комендатура и охрана госпиталя. Это здание и сейчас стоит на этом месте с деревянной надстройкой второго этажа. Дальше шли поля колхоза «Коммуна», где выращивали овощи: турнепс, морковь, помидоры, картофель. Начинались голодные годы, и нас, ребят, как магнитом тянуло туда пожить. Для восстановления разбитого второго этажа седьмого корпуса, в котором мы жили в Рабочем городке, привозили пленных немцев. Помню их небритые лица в тонких серо-зеленых шинелях без ремней и пилотки, натянутые на уши. Наши солдаты-конвоиры – в белых полушубках и с автоматами. Когда мы подходили, немцы просили у нас картошки. Мой двоюродный брат Николай Петухов иногда грешил: его мать заставляла снести маленькую кастрюлю с картошкой козе, которая находилась в сарае, а он менял ее у немцев на кольцо или ремешок. Перед нашим окном лежал штабель бревен для ремонта второго этажа, Утром привозили немцев, и они продолжали ремонт второго этажа. Мою мать подрадили сторожить эти бревна. Помню, как ночью в тридцатиградусный мороз, она сидела на этих бревнах, а мы с братом Евгением смотрели в окно. Потом мать приходила домой погреться и опять уходила сторожить. Я говорил, чтобы она не уходила из дома, а смотрела в окно. Тогда она отвечала, что дома она засыпает.

Помню то время, когда постоянно хотелось есть. А раздобыть еду не было возможности. Хлеб давали по карточкам и мало. Мать с ночи занимала очередь в магазине № 16 на улице Большой. На валенках писали мелом номера очереди. Запомнились цифры 117, 128 и другие. Приносила пайку и делила всем поровну. Хлеб был колючий. Видимо, его пекли из непросеянной муки с кострой. Изредка приезжала ее сестра из деревни Гремячиха Сонковского района и привозила ватрушки с картошкой. Брат Женька говорил, что этих ватрушек съел бы целую комнату.

Дети войны Бежецкого района

Чтобы заглушить голод, мы собирались в группу по десять-пятнадцать пацанов и отправлялись на «железку» - так мы называли железную дорогу. Через станцию Бежецк проходили товарные поезда, везли различные грузы в открытых вагонах. Нам нужны были отжимки из подсолнечника с маслобойни, большие, как колеса. Мы называли их «дурандами». Камнем или железкой отламывали куски и убегали. Потом целыми днями ходили и сосали кусок «дуранды» до горечи во рту.

По утрам ходили на Остречину ловить рыбу на удочку. С нами ходил Гера - самый заядлый рыбак, он и вечером пропадал на реке. Он был намного выше всех нас и опытнее. Приносили связку окуньков и плотвиц домой. У моего двоюродного брата Володи, жившего во втором корпусе, был кот Васька. Как только услышит в доме шум удочки, сразу за ним на речку. Сидит и ждет свежую рыбу.

Ходили «на железку» и по другому поводу. На станции останавливались поезда, груженные разбитой техникой: танками, самоходками, как немецкой, так и нашей. Всё везли на переплавку. Среди них были пулеметы, патроны, даже целые магазины, ленты с патронами, немецкие и наши гранаты и пушечный порох в мешочках. Находили сабли и пистолеты. Вот это нам казалось тогда то, что надо. Собирались в группу по десять-пятнадцать человек в поход за трофеями. У нас уже был опыт. Двое-трое подходили к часовому и расспрашивали его о войне, а на самом деле «зубы заговаривали». Остальные, с другой стороны вагона, залезали под тент и набирали все, что попадет. Потом делились этой добычей.

В очередной раз Славка по прозвищу «Смелый», залез в немецкий танк и увидел там убитого немца. Снял с его руки часы. Кто был старше нас, тот уже знал, как надо бросать гранату. Мне предлагали, но я отказывался. Потом уходили подальше, за питомник, и глушили там рыбу. Возвращались домой с «уловом».

Однажды принесли на реку немецкий пулемет и ленту с патронами. Поставили железный щит метров за пятьдесят и по очереди подходили выстрелить. Так как это было недалеко от города, то стрельбу нашу слышали, прибежал милиционер. Он бежал с наганом на цепочке и кричал, чтобы прекратили стрельбу, а то всех в тюрьму посадит. А Славка подхватил пулемет и побежал вдоль реки за льнозавод. Милиционер за ним. Вдруг Славка дал очередь по нему. Милиционер залег. Хорошо, что очередь прошла мимо. Преследование продолжалось. Пришлось пулемет бросить и убежать. Мы были свидетелями, наблюдали эту картину.

У каждого из нас был арсенал боеприпасов. У меня были винтовочные патроны, штук 500. Потом мы ходили за песочную яму к реке и разводили там костер. Кидали в костер патроны и убегали в укрытие за бугор. Бывало, что не дождавшись, подбегали к костру, а они еще не все взорвались. Витя Башечкин из соседнего шестого корпуса принес домой бомбу и стал ее разбирать на столе. Бомба взорвалась, оторвала ему палец и поранила лицо. Неразорвавшиеся бомбы находили весной, когда копали гряды за домом. Взрослые ребята и на танцы ходили вооруженными. Часто дрались.

Дети войны Бежецкого района

Говорили, что в то время в милиции служили всего три милиционера. Иногда делали обыски и отбирали все, что находили.

С начала весны все ребята играли в деньги. Это игры «в стукана» (пятак и монеты), «пристенок» (только монеты). Рядом взрослые парни играли в карты. Много было взрослых, сидевших в тюрьмах. Процветали воры-карманники.

От горсада до клуба ГАРО было пять ларьков, где продавали пиво и водку в розлив, сто грамм и бутерброд. Мы иногда задерживались то у одного ларька, то у другого. Люди, идущие с работы, частенько останавливались у этих ларьков. В общем, детство проходило приблизительно как в кинофильме «Республика Шкид» Григория Белых и Леонида Пантелеева.

Стоит отметить, как выглядел наш город в то время. Все улицы города были вымощены булыжником. На столбах от центра до клуба ГАРО висели квадратные ретрансляторы. В домах тоже было радио, их называли «тарелками». Часто передавали важные сообщения и музыку. Запомнились песни «Темная ночь», «Шаланды, полные кефали», «Несокрушимая и легендарная», песни Утесова...

Дома в Рабочем городке были с печным отоплением, поэтому всегда были трудности с топливом. Добывали, как могли. За водой ходили на песочную яму за пятьсот метров от дома. Там был крытый колодец с ручным насосом. Спускались вниз по крутой лестнице, зимой обледеневшей. Вода была очень вкусная, артезианская. Трудно было женщинам со стиркой одежды. Стирали вручную в корыте, а полоскать носили на реку Остречину. Были трудности с мылом, солью, спичками.

По городу часто шли похоронные процессии с духовой музыкой. Машин было мало. В городе была большая барахолка, где все торговали и покупали. В кинотеатре «Звезда» шел трофейный кинофильм «Тарзан», индийский фильм «Бродяга». Билет достать было трудно. В 1951 году поступил учиться в ремесленное училище РУ №6. Сейчас ПТУ на улице Льва Толстого. Выдали нам форму темно-синего цвета: шинели, брюки рубашку, ботинки, шапку и фуражку. Учили построению. Столовая была на рынке в конце улицы Льва Толстого. Туда и обратно ходили строем. Сейчас на этом месте детская поликлиника. По окончании РУ №6 приняли на завод «Бежецксельмаш» в 1953 году - слесарем-сборщиком сельхозмашин. В то время были две группы: слесарная и токарная - кадры для заводов. На заводах Сельмаш и ГАРО в то время не было раздевалок, и люди шли на работу и с работы в грязной и промасленной одежде. Были скандалы, когда они садились в автобус, а там ехали люди в чистом. Утром по городу гудели сирены. Это заводы призывали людей на работу. В восемь часов проходная завода закрывалась, а кто опаздывал, того заносили в «черный» список и докладывали по месту работы. Таких наказывали, притом строго. Работали тогда в две и три смены с одним выходным в воскресенье. На заводах не было столовых и рабочие брали еду с собой. Кто жил на квартире или в общежитии, тем было труднее. Большое значение имели общественные столовые, где можно было в любое время пообедать и поужинать. Работали студенческая столовая, Дом колхозника, буфеты на вокзале. В дальнейшем пришлось десять лет жить в общежитии №10 на Рабочей улице. Без отрыва от производства закончил машиностроительный техникум

Дети войны

Бежецкого района

Чернышев Константин Александрович

В 1926 году у Анны Алексеевны и Александра Николаевича Чернышевых родился сын Костя. Родители всегда хотели иметь большую дружную семью, вскоре родился младший сын Леонид.

Когда фашисты начали приближаться к Бежецку, Костя настойчиво стал проситься к партизанам.

В 1942 году комсомолец Костя Чернышев добровольцем уходит в партизанский отряд. Командиром партизанской бригады, в которую был направлен юный разведчик, был Василий Митрофанович Лисовский, сообщивший на Родину о последнем дне Константина.

Очень много серьезных заданий выполнил юный партизан.

По станции ходил мальчишка, спрашивал: не встречал ли кто его мать с младшим братишкой. А между тем от него не ускользнуло ничего.

Прибыв к своему командованию, Костя доложил, что на станции расположен склад горючего. Командование приняло решение разгромить гарнизон станции.

По бездорожью, глухими партизанскими тропами шли народные мстители к станции.

Дети войны Бежецкого района

В три часа утра – взвилась зеленая ракета. И тотчас серия мощных взрывов разрубила тишину. Пылало багрово-черное зарево над складами и эшелонами. На станции стоял сплошной грохот. Ни один фашист не ушел от справедливого возмездия.

В партизанскую бригаду стали поступать сведения от подпольщиков: враг готовит против партизан крупную карательную экспедицию.

Разведгруппа, в которую входил и Костя Чернышев, была направлена в район железнодорожной станции, где установила, что операция начнется 15 февраля.

На обратном пути разведчики решили зайти на хутор, чтобы передохнуть.

Но дед, который их очень радушно встретил, оказался предателем. Пока разведчики ужинали, он вышел на улицу, подпер снаружи дверь, а окно закрыл ставнями. Долго разведчики искали выхода, но все таки смогли выбраться и убежать. Но вдруг над головами засвистели пули.

Разведчики залегли. Прикрывая друг друга огнем. И тут очередь из фашистского автомата прошла Косте ноги. Собрав все силы, он швырнул товарищам котомку, где в черствой краюхе хлеба находились разведывательные материалы.

«Уходите немедленно. Доставьте сведения! Я прикрою!» - прокричал он. Окруженный фашистами, Костя подорвал себя и врагов гранатой. Гитлеровцы надругались над телом юноши, вырезали на груди пятиконечную звезду.

Так погиб юный герой – наш бежецанин Костя Чернышев.

14 февраля 1943 года партизаны отомстили за смерть своего любимца.

Дети войны Бежецкого района

Хоронили Костика, вспоминает Василий Митрофанович Лисовский, среди сосен, на берегу озера Лисно (сейчас останки Константина Чернышева покоятся в братской могиле возле деревни Лисно Верхнедвинского района в Белоруссии).

Проводили в могилу прощальным салютом и клятвой беспощадной мести фашистско – гитлеровским захватчикам, за все то горе, которое они причинили родным безвременно погибшего Кости и всем народам нашей Родины.

Имя Кости Чернышева носила пионерская дружина средней школы №4.

До сих пор в школе оформлены стенды, которые рассказывают ребятам о бессмертном подвиге земляка.

«В целях увековечения памяти юного разведчика, участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны – Кости Чернышева, исполком городского Совета решил:

1. Конную площадь переименовать и присвоить ей имя Константина Чернышева.»

Давно не существует дома №12 по улице Льва Толстого, средняя школа №4 уже давно находится в другом здании, бывшее ФЗУ стало Профессиональным училищем.

И уже 75 лет прошло с того времени, как закончилась Великая Отечественная война. Но в памяти бежечан всегда останутся имена и подвиги героев-земляков.

Дети войны Бежецкого района

Климин Иван Иванович

Данные краткие воспоминания о Великой Отечественной войне основываются, прежде всего, на рассказах моей матери, Климиной Пелагеи Ивановны, 1902 г.р. и отчасти на моем личном восприятии, наблюдении происходящего в 1944-1946 годах.

Когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз 22 июня 1941 г., мне было почти два года. Я родился 7 июля в с. Чижово, население которого состояло тогда в колхозе «Красная заря». Впервые дни войны отца, Климина Ивана Николаевича, 1903г.р., призвали в ряды Красной Армии, как и многих бежечан. Я его провожал в сопровождении матери до соседней деревни Дуброва, до места, где располагалась Ветряная мельница, за пределами этого селения, рядом с Большой дорогой Бежецк - Поречье. По свидетельству матери, отец, расставаясь, поцеловал меня и сказал: «Ванюшка, прощай, я уйду на войну».

Вместе с отцом в первую массовую мобилизацию на фронт уходили и многие мужчины села, которых со слезами на глазах провожали их матери, жены, отцы, бабушки и дедушки. Поскольку село по числу жителей было большим и насчитывало до 200 крестьянских дворов и проживало до 1000 человек, то на фронт за годы войны ушло, по моим приблизительным подсчетам, порядка 250 селян. Причем из некоторых семей в ряды Красной Армии призывали по несколько человек. Так, Николай и Мария Климины, мои бабушка и дедушка, проводили в Вооруженные Силы 5 сыновей и внука:

Дети войны Бежецкого района

Сергея, Илью, Алексея, двух Иванов и 19-летнего Николая. Из 6 мобилизованных человек в отчий дом вернулись трое, остальные погибли на фронте, защищая Родину, в том числе и мой отец.

Проводив на священную, справедливую войну с немецким агрессором своих мужей и сыновей, женщины села Чижово стали основной трудоспособной рабочей силой колхоза «Красная заря», на плечах которых и держалось все производство. Им приходилось трудиться не только за себя, но и за своих близких родственников-мужчин, ушедших на фронт. По свидетельству матери, они работали «на износ», не покладая рук, почти круглосуточно на колхозных полях, лугах, фермах, особенно в страдное время, в период весенних посевных, сенокосных и уборочных кампаний. Причем работали, как говорится, от зари до зари, от восхода до захода солнца почти без вознаграждения, ибо оплата за выработанные трудодни была минимальной. Причем все сельскохозяйственные работы практически выполнялись в хозяйстве вручную, за счет широкого применения тягловой силы, рабочих лошадей; зерновые жали серпами, лен теребили руками. Никакой техники в колхозе не было: первые трактор, машина, комбайн появились во второй половине 40х - начале 50х годов.

Произведенную с невероятным трудом сельскохозяйственную продукцию, в том числе зерно, лен, селяне сразу же, немедленно, в соответствии с государственными поставками, отвозили в г. Бежецк обозами, на подводах, которые иногда подвергались вражеской бомбардировке. Свидетелем одного из таких немецких налетов с воздуха стала и моя мать. Согласно ее рассказу, когда осенью 1941 г. она и другие колхозники на подводах подъезжали к переезду на железной дороге, внезапно появившийся в небе германский самолет начал бомбардировку. В результате этого налета было убито несколько человек, по чистой случайности мать не пострадала.

Жители села Чижово в целях защиты от фашистских бомбардировок, за его пределами, на расстоянии 100-150м вырыли окопы глубиной примерно один метр. Причем каждая семья имела свой окоп-бомбоубежище. В случае появления над селом самолетов, неважно немецких или советских, население старалось в них укрыться. Окопы располагались рядом с житницами, где хранилось колхозное зерно и с кузницей, в которой зимой подковывались лошади, а летом ремонтировались сельскохозяйственные орудия: плуги, бороны.

Дети войны Бежецкого района

Эти окопы сохранялись какое-то время и после окончания войны, и они запомнились мне тем, что мы, дети, часто играя в войну, укрывались в них от «вражеского противника».

В военное лихолетье напряженно работали дети, подростки не только на колхозных полях, подчас с раннего утра до позднего вечера, но и в сапожной мастерской в с. Чижово. Она размещалась в нашем большом 2-этажном доме, принадлежащем бабушке, Анастасии Романовой. Руководил мастерской Василий Гусев. В ней наряду с опытными, классными сапожниками, которыми славилось Чижово и в дореволюционный период, трудились в качестве учеников и подростки 12-13 лет, в том числе и мой старший брат Николай, 1931 г.р. Мастерская изготовляла кожаные сапоги для воинов Красной Армии.

Пожалуй, наиболее значимо отразился в моей детской памяти победный 1945 год. С одной стороны, радость в семье, в селе ликование по поводу окончания войны, разгрома фашистской Германии, а с другой, – горечь, печаль, связанные с утратой, гибелью на фронте родных и близких. Поскольку наш дом располагался на краю села и рядом с Большой дорогой, трактом Бежецк – Поречье, то я часто на него выходил и у воротец «встречал» своего отца и спрашивал у возвращающихся в шинелях с вещевыми мешками за плечами фронтовиков: «не видели ли они моего папку». Одни отвечали: «Не видели». Другие вселяли уверенность и оптимизм, говорили: «Видели, жди, скоро придет». И они продолжали медленными шагами, некоторые прихрамывая, свой путь в родные дома, в сторону с. Поречья. 3 сентября 1947 г. моя мама получила повторную «похоронку» - извещение из райвоен-комата. В нем сказано: «Ваш муж, солдат Климин Иван Николаевич, 1903 г.р., уроженец Калининской обл. Бежецкий р-он с. Чижово, находясь на фронте, погиб 3 декабря 1941г.»

Дети войны Бежецкого района

Чистобаев Анатолий Иванович

Родился 27 декабря 1940, с. Польцо, Бежецкий район, Тверская область – доктор географических наук (1981), профессор (1984), заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999).

Действительный член Русского географического общества, Российской экологической академии, Петровской академии наук и искусств. Почетный профессор Смоленского Гуманитарного Университета (СГУ).

Действительный член Ученого совета СПбГУ, Научного совета по фундаментальным проблемам географии при Президиуме РАН, Научного совета «Экология и природные ресурсы» при Президиуме СПб НЦ РАН.

Действительный член редакционных коллегий и научных советов журналов «Вестник СПбГУ, сер. 7: геология и география», «География в школе», «Региональные исследования», «Региональная экология», «Экология и образование» и др.

Дети войны Бежецкого района

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА ОТЦА С ФРОНТА

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат...
Сергей Орлов*

Великая Отечественная война началась 22 июня, а на следующий день, 23 июня, мой отец был мобилизован в Красную Армию. Того дня я, естественно, не помню: ведь мне тогда не исполнилось еще и полгода. По рассказам матери знаю, что все жители деревни Польцо провожали уходивших на фронт односельчан до околицы. Отец нес на руках нас, детей, - меня и Люсю. Моей сестре было 4,5 года, отцу - 28, маме - 26 лет.

26 июня 1941 года

Здравствуйте, мои маленькие детки Толя и Люся, жена Шура и моя мама! Спешу сообщить вам, что за трое суток мы смогли доехать только до Бологое. Подолгу стояли на станциях, пропускали другие поезда. Сперва говорили, что едем в Ленинград, потом прошел слух, будто бы нас направляют в Великие Луки, а сегодня говорят, что поедem в Латвию. Мимо нас идут эшелон за эшелонem, а мы стоим, чего-то ждем. Вместе со мной Петя Павлов, Андрей Карнетов. Здесь, в Бологое, встретил Васю Романова, Гоню Славнова. Чувствуем себя хорошо. И настроение было бы нормальным, если бы не слышали на каждой станции крик, плач, рев. Это - проводы на войну. Пока я пишу это письмо, мимо промчались два эшелона, а мы стоим, нас не торопят. Говорят, в первую очередь пропускают составы с кадровыми войсками, а мы, как говорят некоторые, попадем на хозяйственные работы. Милая Шура, когда нашему маленькому сыночке Толиньке исполнится 9-ть месяцев, ты возьми в сельсовете справку о том, что ребенок жив и здоров, тебе по этой справке в Кесово-Горе выдадут 90 рублей.

До свидания. Всех крепко целую. Ваш Ив. Чистобаев

29 июля 1941 года

Добрый день! Здравствуйте, дорогие мои маленькие детки Толя и Люся, Шура и мама. Пока я жив и здоров. Пишу вам 6-е письмо (предыдущие 4-е письма в домашнем архиве отсутствуют - А.Ч.), ответа нету. Вместе со мной Петр. Других земляков с нами нет, а точнее говоря, я их не вижу. Я уже писал, что убит Павлуша Тихомиров. Я видел его незадолго до гибели. Шура, передай привет мамаше, Клавдии, крестне и ребятишкам сельпо. Как они там? Пиши, как вы живете. Мой адрес: Действующая Красная Армия, Полевая почтовая станция, 44. Сортировочные пути №2. Почтовый ящик 25.173 с/п., 1-й батальон, отделение б/п. Чистобаев И.Г. Шура, в другой батальон нас перевели вместе с Петей. Мы вместе живем и едим. До свидания. Крепко целую дорогих, родных. Толя и Люся, ваш папа вас очень любит!

Дети войны Бежецкого района

Без даты

Привет с фронта! Добрый день! Здравствуйте мои дорогие, мои родные: маленький Анатолинька, маленькая Людмилочка, миленькая Шура и мама! Сообщаю вам, что я пока жив и здоров. Посылаю вам 8-е письмо, но от вас не получил ни одного. Из Ленинграда прислал мне письмо Василий Павлов. Он сообщил, что до вас мои письма доходят, а до меня ваши нет. Я очень доволен его сообщением, узнал, что вы живы. Но как вы живете? Здоровы ли вы? Я очень тревожусь за вас. Время и жизнь сильно изменились, стало всем трудно. Я знаю, как тяжела ваша жизнь. За прошедшее время я посмотрелся на людские страдания.

Милая Шура! Трудности надо как-то преодолевать. Когда я вернусь домой, мы будем жить еще лучше, чем жили войны. А пока я прошу тебя не обижать милых детишек, а также маму. Живите мирно и спокойно. Я знаю, как вы переживаете за меня, расстраиваетесь. Прошу вас: берегите свое здоровье. Может, с помощью Бога, я сберегу свою голову.

До свидания. Крепко целую.

Мой адрес: Действующая Красная Армия, П.П.С. 856, 173 с/полк, 1-с/б, 2 с/р., Чистобаеву Ивану Георгиевичу.

20 августа 1941 года

Привет с фронта! Добрый день! Здравствуй моя родная семья: маленькие детки Толя и Люся, Шура и мама. Шлю я вам свой сердечный привет и наилучшие пожелания в жизни. Милая Шура, я посылаю вам, наверное, 9-е письмо, но от вас не получил ни одного. Напиши ответ сразу же. Только не пиши ничего лишнего. Письма проверяют. Но вряд ли по этой причине не доходят письма. Не только я, а и другие ребята из Калининской области тоже не получают письма. Редко кому посчастливилось получить по одному письму, да и это случилось несколько недель назад.

Шура, я о вас беспокоюсь, скучаю. Если бы получил письмо, то как будто бы повидал вас.

Сейчас я нахожусь в Гатчине. Своих ребят всех растерял. Со всего Кесово-Горского района нас осталось только трое, а остальные из Москвы, Ленинграда, с Украины. Милая моя Шура и дорогая моя мама, я прошу вас жить мирно. Любите моих маленьких деток, растите их так, как они росли бы со мной. Прошу вас беречь их, ведь они малы и беспомощны, нуждаются в ласке и заботе.

Когда я вернусь домой, мы хорошо будем жить, наши дети будут счастливыми. Просите Бога спасти мою жизнь.

До свидания. Крепко целую.

Мой адрес: Действующая Красная Армия, П.П.С. 856. 173 с/полк, 1 с/б., 2 с/рота, Чистобаев Иван Георгиевич.

Шура, я уже не надеюсь получить от вас весточку, я очень хочу узнать, как вы живете.

Вчера был Спас Преображение. Поздравляю вас с этим праздником.

Дети войны Бежецкого района

1 сентября 1941 года

Добрый день! Здравствуйте, милая, дорогая семья: маленькие деточки Анатолушка и Люсиночка, Шура и мама. Шлю я вам свой сердечный привет и самые наилучшие пожелания в жизни. Это - 10-е письмо к вам, от вас не было ни одного. Я жив и здоров, нахожусь вместе с Петром, в 50-ти километрах от Ленинграда, на железной дороге, что идет от Детскосельского вокзала.

Я нахожусь на передовой линии, но пока ничего страшного нет. Из своих товарищей, которые ушли на войну вместе со мной, никого не вижу, не знаю, живы они или нет. Погода плохая, 5-й день идет дождь. Я мокрый, все время в лесу. Пока выдерживаю. Шура и мама, постарайтесь послать мне письмо с оказией. Пишите только о себе, ничего лишнего в письме не должно быть, так как письма проверяют. Мой адрес: Действующая Красная Армия, П.П.С. 856, 173 с/полк, 1 с/б., 2 с/р., Чистобаеву Ивану Георгиевичу.

До свидания. Крепко целую. Прошу поцеловать за меня моих маленьких деток – Толиньку и Люсиньку, скажите им, что этот поцелуй от любящего их папки.

20 сентября 1941 года

Добрый день! Здравствуйте дорогие маленькие детки Толя и Люсичка, Шура и мама. Не знаю, получили ли вы мое предыдущее письмо, поэтому второй раз сообщаю, что я ранен в левую руку, в кисть. Сквозной пролет пули. Беспокоиться за меня не надо, опасного ничего нет, боли не чувствую. Недели через три заживет и, думаю, числа 8-10-го октября снова буду на фронте.

Шура, вчера, 19 сентября, у меня в госпитале был Вася, обещал сегодня-завтра снова прийти. Он сказал, что получил письмо от тебя, послал его мне на фронт 16-го сентября, а меня 15-го сентября в 6 часов утра ранили. Так что и на этот раз я, дорогая, милая моя Шура, не получил твоего письма. За три месяца – ни одного письма. А я тебе пишу 12-е письмо. Не знаю, как вы живете. Хочется узнать о ребятах, воюющих на других фронтах. Все ли живы?

Петро получил из деревни сразу три письма, а я от вас ни одного не получил. Спасибо Василию, что он прислал на фронт 2 письма, из которых я узнал и про вас, что вы живы. Милая, дорогая Шура, обо мне не расстраивайся, береги деток, себя, маму. Я приду домой, и мы будем жить снова, как жили. Только прошу проявлять заботу, ласку к нашим маленьким деткам. И проси Бога, чтобы он спас мою жизнь

Дорогая моя мама, ты мне часто снишься, я во сне с тобой разговариваю, ты мне сообщаешь, какими стали за прошедшее время мои маленькие дети. И тебя я прошу не расстраиваться обо мне. Живите с Шурой мирно, дружно. Не ссорьтесь. И берегите маленьких и еще слабых деток. Они беззащитны, если вы не защитите их. Особенно я переживаю за маленького Толеньку, ведь он еще и не ходит, и не говорит, не может пожаловаться, если у него что-то болит. Мои дорогие Шура и мама, я прошу вас терпеть в это тяжелое время.

**Дети войны
Бежецкого района**

Шура, Петя тоже был ранен в тот же день, что и я, то есть 15-го сентября. Примерно, в 7 утра осколок от снаряда попал ему в плечо. Он ушел с поля боя раньше меня, в тот же день был доставлен в Ленинград, в госпиталь. Я попал в Ленинград только на следующее утро. Я сам не видел Петра, мне о нем рассказали те, кто во время боя был рядом с ним. По их словам, рана не тяжелая. *Передай это мамаше. От меня привет всем родным: мамаше, Клавдии, крёсне, ребятишкам. Хочется узнать, кто работает счетоводом, кто в лавке торгует, кто ... (далее неразборчиво — А.Ч)...*

До свидания. Крепко целую вас. Иван.

Мой адрес: ул. Герцена, дом №41, госпиталь 15, Палата 10, Чистобаеву И.Г. Я пробуду здесь, примерно, до 4-ого октября или позже... Храни нас Бог.

22 октября 1941 года

Добрый день! Здравствуйте дорогие мои милые детки Толичка и Людмилочка, дорогие Шурочка и мама. Шлю свой сердечный привет и самые наилучшие пожелания. Милая Шура, дорогая мама, моя раненая рука еще не зажила. Из Ленинграда мы выехали 12 октября 1941 года, до сих пор находимся в дороге, в данное время - в городе Новая Ладога, что находится на берегу Ладожского озера, в глубоком тылу. До 21-го октября жил под открытым небом на берегу озера. Далее наш путь лежит в Вологду. Ребята, попутчики, толкуют, что нас, раненых, могут отправить в местные больницы. Но я не верю этим разговорам, не думаю, что я буду долечиваться возле дома, поскольку знаю, что близко от вас фронт. Наверное, и железная дорога не работает. Не знаю. Вдруг, с помощью Бога, попаду домой. Как только приедем на место и выяснится этот вопрос, я пришлю вам телеграмму. Если в телеграмме я напишу «жду письмо», то вы быстро отправьте письмо, пока меня не перевели в другое место, а если я напишу «жду ответа», то вы пришлите телеграмму такого же содержания, как я послал Василию в 1939-м году. Шура, я думаю тебе понятно? Если мама болеет, то заверь в сельсовете справку врача и пришли вслед за телеграммой.

Я уверен, что рука у меня поправится, будет работать. Рана точно такая же, как у Калабашиникова Тимофея Ивановича. Ведь у него пальцы работают, и у меня все будет в порядке. Руке нужен отдых, лечение. Вот поэтому нас и отправили в тыл. Конечно, наше правительство беспокоится о каждом человеке. Лечение в госпитале лучше, чем в сельской больнице.

До свидания. Крепко целую родную семью, прошу передать привет мамаше, Шуре и Нюре. И. Чистобаев.

Дети войны Бежецкого района

26 ноября 1941 года

Добрый день! Здравствуйте мои маленькие детки Толя, Люсичка, милая Шура, дорогая мама. Я жив и здоров. Нахожусь в лагерях Башкирской АССР, станция Алкино, в 32 километрах от Уфы. Встретил на станции Сидорова из деревни Кулигино. Его призвали 1-го сентября. Он рассказал мне, как вы живете. Он был вместе с Дмитрием Коноплиным, но того оставили на другой станции. Мне стало известно, что Коноплин получал из деревни письма, сказал, что все живы, и я успокоился. А то посмотрю на эвакуированных женщин с детьми, слезы сами из глаз катятся. Думаю, неужели и моя семья так страдает. Обо мне не волнуйтесь, я пока отдыхаю. Квартиры у нас, как дом у Феди Курносова, теплые, хотя они и земляные. Морозы здесь, как в Крещение, но в моей землянке, где я пишу это письмо, тепло. До свидания. Крепко целую.

27 декабря 1941 года

Добрый день! Здравствуйте маленькие мои детки Толя, Люся, милая Шура и дорогая мама. Сообщаю, что я жив и здоров. Нахожусь на Ленинградском направлении под станцией Мга. Сейчас сижу под елкой, у костра. Товарищей близких рядом нет. Только один Петров из Кашинского района, а остальные – сброд отовсюду. С нетерпением жду от вас писем. Прошу молиться Господу Богу о моем спасении. Недалеко от меня строчит пулемет фашиста. В последнее время положение на фронте стало изменяться в нашу пользу: противник ослаб, в атаку не идет, при натиске отступает. Наша главная задача сейчас состоит в том, чтобы освободить Северную железную дорогу, а более конкретно — взять станцию Мга. Поздравляю вас с Новым годом. Следующие письма напишу уже в 1942-м году. Очень беспокоюсь за вас.

Мой адрес: Действующая Красная армия, П.П.С. 418, 80 с/д, 77 с/п, 2 с/р, 2 с/взвод, Чистобаеву И.Г.

Шура, передавай привет всем родным. Хочется узнать, где находится Петро, я его не видел с 15-го сентября, ничего о нем не знаю. До свидания. Крепко целую вас и своих деток. Прошу вас любить и беречь моих маленьких, любимых Толю и Люсю.

Ваш Ваня.

**Дети войны
Бежецкого района**

4 мая 1942 года

Добрый день! Здравствуйте, мои маленькие детки Толичка и Людмилочка, милая, дорогая Шурочка и дорогая мамочка. Сообщаю, что я нахожусь в городе Кунгур, в лагере, где формируется наша дивизия. Возможно, пробуду здесь дней 25-ть, то есть до 30-го мая. Из госпиталя выехал 29-го апреля 1942 года. В пути встречал праздник 1-го Мая. Милая Шурочка, я встретил в Молотове зятя Степана Уткина. Он едет в Романцево. Я просил его зайти к вам и рассказать о наших встречах. Дорогие Шура и мама, на днях пойду в третий раз испытывать судьбу. Дважды после ранений я возвращался в строй. Надеюсь, и на этот раз счастье мне улыбнется, я останусь живым. Просите Господа Бога, чтобы он спас мою голову. Здоровье у меня хорошее. Раны зажили, не болят. Я поправился. Выгляжу свежим, отдохнувшим.

От меня передайте всем родным привет. От вас жду писем. Мой адрес: Молотовская область, Город Кунгур, п/я 91, литер У. Чистобаев Ив. Георг. До свидания. Крепко целую

**Дети войны
Бежецкого района**

Таранич Анна Ивановна

А Я ВСЕ ПОМНЮ О ВОЙНЕ

9 мая 1975 года в нашем городе открывался памятник, посвященный Великой Победе. Моя бабушка рано утром сбегала в садик, нарвала цветов, повязала беленький платочек и заспешила на митинг. После митинга предложили желающим возложить цветы к Вечному огню. И со всех сторон потянулись старушки в беленьких платочках с букетиками – это были матери не пришедших с войны солдат. Для них Вечный огонь стал символической могилой сыновей и дочерей, пропавших без вести, погибших во Второй мировой войне.

Ушли те матери. Почти не осталось ветеранов и вдов. Уходим и мы – дети войны. Кто передаст следующим поколениям память и боль о Великой Отечественной войне. Мы должны написать воспоминания о своем военном детстве, чтобы историки не только по документам изучали этот период времени, который называется Великая Отечественная война, но и по воспоминаниям свидетелей.

Я родилась в 1942 году, и помню только картинки, фрагменты, но мне кажется, что война во мне, я никогда о ней не забываю. Но сначала об истории моего появления на свет.

Дети войны Бежецкого района

До войны моя мама, Виноградова Нина Александровна, жила в Ленинграде и работала на строительстве Дома Советов, что на Московском проспекте. Но началась война с белофиннами, и она, окончив РОККовские (Российское общество Красного креста) курсы медсестер, пошла на финский фронт санинструктором. Вытащила из боя раненого солдата, сама обморозилась и вместе с ним попала в госпиталь. После лечения, выйдя из госпиталя, они расписались, и Таранич Иван Моисеевич увез молодую жену в свою воинскую часть, в г. Лубны, что в Полтавской области. Там мама работала в медсанбате. Когда началась война, мама была беременна, и отец перед отправкой на фронт сказал ей на прощание: «Об одном прошу: сохрани ребенка во что бы то ни стало. Если жив буду, найду тебя, где бы ты ни была». Больше вестей от него не было.

Однажды командование медсанбата вызвало добровольцев в батальон первой помощи, то есть оказывать помощь раненым на поле боя. Санинструктор Нина Таранич была комсоргом батальона и вызвалась первой. Бой проходил в районе станции Гребенка, показались немецкие танки. В первый год войны против танков ничего не было, даже бутылок с горючей смесью, одни винтовки. Солдаты побежали, и увидев, как на маму едет немецкий танк, стали ей кричать – «ползи, ползи». Но беременность мешала ей ползти, она убегала на четвереньках. Ее контузило, и она потеряла сознание, очнулась – над ней стоит фельдшер с санитарной сумкой через плечо, больше никого нет. Все посчитали, что ее убили и не стали подбирать. Фельдшер предложил маме вместе искать свой медсанбат, они пошли на дорогу, но навстречу бежали люди и кричали: «Немцы, немцы!». Мама забралась в сарай, спрятала в щель комсомольский билет и красноармейскую книжку, дождалась темноты, нашла будку путевого обходчика. Там ей дали пиджак с семилетнего мальчика, и она сменила гимнастерку на пиджак.

До Бежецка было четыре тысячи километров, и мама решила пробираться на родину мужа, в село Литвяки. Путь лежал через г. Лубны. В городе повсюду были развешаны приказы комендатуры «Всем евреям с вещами приходиться на центральную площадь». Мама встретила жену знакомого офицера Аню.

Дети войны Бежецкого района

Она держала на руках сынишку трех лет, в другой руке был чемодан, за ручку которого вцепилась девочка шести лет. В Литвяках жила и сестра Ивана Моисеевича – Настасья с детьми Ольгой, Павлом и Николаем. Но двоюродная сестра отца тетя Паша выдала маму полицейским, сказав, что она комсомолка и партизанка. Полицейские поехали в г. Лубны в комендатуру. Тетя Настя ее предупредила: «За тобой приедут эсесовцы, ты должна уйти». Она дала ей платок, кусок хлеба, и мама решила пробираться в Бежецк к матери. Ей предстоял пройти большой путь – более четырех тысяч километров. В городе Лубны центральная площадь со всех сторон была окопана рвами, у рвов стояли фашисты с автоматами. По ту сторону рвов на площади раздевались люди: женщины отдельно, мужчины в другой стороне и поодаль - дети. Они аккуратно складывали одежду. Начался расстрел – на детей пули жалели, их штыками сбрасывали в ров. Так мама стала свидетелем того, как в Лубнах расстреляли три тысячи мирных жителей-евреев. А на станции Гребенка она попала на казнь. Двое мальчишек вынесли из горящей школы знамя пионерской дружины, и за это фашисты их повесили. В начале 80-х годов на станции Гребенка им поставили памятник, я помню имя одного из них – Шура Хоменко.

Беременность мамы была уже заметна, и к ней пристраивались попутчики, выдавая себя за семейную пару. Так легче было пробираться на родину. Однажды я спросила у нее, что думал народ о войне: немцы навсегда или верили в победу. Она ответила, что 7 ноября 1941 года в хате, где она остановилась на ночлег, ее пригласили послушать трансляцию парада с Красной площади из Москвы.

И, вообще, ей казалось, что-то или кто-то ей помогает. Как - то вечером на краю деревни, где она собиралась попроситься на ночлег, ее встретил человек и сказал: «К нам не ходите, у нас эсесовцы. И она тогда для ночлега искала стог сена. У другого села ее встретили и пригласили ночевать. Она отправилась в путь в середине августа, прошла Украинский фронт, Белорусский и 16 декабря 1941 года была под Калининым. А дома ее ждала одна мать, Виноградова Анна Платоновна. Старший брат Николай был на фронте, младший Владимир учился в фабрично - заводском училище, а когда ему исполнилось 16 лет и его взяли на фронт. Мама пришла без документов, только фотографию мужа принесла на груди.

Дети войны Бежецкого района

Ее отправили работать на лесозаготовки. Там начались преждевременные роды. И 18 февраля 1942 года родилась я, весом 1кг.100гр., восьмимесячная. Серафима Ивановна Смирнова, детский врач, сказала моей бабушке: «Ребеночек не жилец, дня три и все». Бабушка в то время получила извещение, что ее сын пропал без вести, и она все силы бросила на мое спасение. Бабушка впоследствии говорила: «Если бы ты такая обреченная не появилась на свет, то я руки на себя наложила бы или с ума сошла».

У бабушки была комната 13 метров, на улице Садовой, дом 3, напротив городского сада. Дом был построен перед войной, двухэтажный, внизу две квартиры, да наверху в каждой квартире две комнаты и кухня, в которой жили эвакуированные. Керосинки стояли в комнате, на стене висела черная тарелка репродуктора. Каждый день слушали голос Левитана, который объявлял вести с фронта. Когда слышались звуки воздушной тревоги, мама хватала одеяло, набрасывала на меня и бежала со мной в городской сад, искала место, куда спрятаться.

Я помню, что у нас украли продовольственные карточки. Мы с мамой пошли в военкомат. Большой кабинет, длинный стол в конце, за столом сидел мужчина в военной форме. Он приказал выдать нам новые карточки. Чувство голода я не помню. Я была одна, маленькая, меня легче было прокормить. Бабушка зарабатывала шитьем, она была хорошая портниха. Привезли мешок ржи из деревни, где она шила. На жерновах мололи муку, пекли картофельные оладьи. Сушили свеклу, бабушка это называла «советский мармелад». Помню, как мама заняла очередь за молоком вечером, всю ночь простояла, утром пришла за мной, на руке был нарисован номер очереди. Мы взяли бидончик и пошли за молоком. Стояла нескончаемая очередь. Я даже успела поспать на крыльце, к обеду мы получили молоко. Мое первое ощущение самой себя, что я это я, девочка, и зовут меня Аня – связано с песком. Я иду по песку, на сандалиях порван ремешок, песок засыпается в сандалии. Я нашла проволоку, скрепила ремешок и тут меня позвали обедать. Я карабкаюсь по высокой лестнице, рядом карабаются такие же дети. Наверху стоит тетенька и подбадривает нас.

Дети войны Бежецкого района

Меня сдали в круглосуточные ясли, потому что маму отправили на лесозаготовки, бабушка зарабатывала в деревне шитьем, меня не с кем было оставить. Впоследствии там, на песочной яме, был ясли-сад, потом общежитие для учителей.

Я заболела, и меня положили в заразный барак. Появилась бабушка и почти силой выцарапала меня из больницы и увезла в свою деревню Мотуново. Ехали в кузове грузовика. С нами ехал военный в плащ-палатке, девушка в плаще с капюшоном, больше никого не помню. Пошел дождь, и девушка меня спрятала под свой плащ. Остановка, все пошли в лес. Девушка мне принесла веточки с красными ягодками земляники. Мне кажется, я до сих пор помню ее милое лицо.

В Мотунове родственница, тетя Настя, уступила нам свою избушку, а сама ушла жить к сыну в соседнюю деревню. Я была очень слаба после болезни, и всей деревней меня выхаживали. Рано утром на подоконнике появлялась крынка молока, кувшинчик земляники, мед в сотах. Племянница бабушки, тетя Шура, дала козу Ляльку. Лялька не ходила со стадом, шлялась по деревне, в полдень приходила к нам, стучала копытом о крыльцо. Бабушка выходила и надаивала чашку молока - больше Лялька не давала. Однажды бабушки не было, а Лялька стучит копытом. Я уселась доить, коза ударила копытом и разбила чашечку. Я помню: чашка была очень красивая, внизу желтое, а наверху голубое.

Мы в деревне остались на зиму. Я лежу на печке на ворохе тряпок, у двери стоит топчан, сколоченный бабушкой. Бабушка сидит за столом, шьет шапки-кубанки на вате, с красной полосой, над столом висит керосиновая лампа. Бабушка учит меня молитвам. Я запомнила «Отче наш» и «Богородица». Потом бабушка ложится ко мне на печку и начинает рассказывать сказки. Вот одна из них: «Жили были три сестрицы Оленька, Пашенька и Анечка. Пошли как-то раз сестры за ягодками. Анечка набрала целую корзину земляники, сестры позавидовали, убили ее и под камушек положили. Выросла на камне большая дудка. Шел мимо пастух, срезал дудку и заиграл. А дудка то запела анечкиным голосом: «Пастушок, родименький, убили меня за ягодки, за красненьки». Пастух испугался, побежал в деревню. Заиграл на дудке, тятка услышал, схватил, сам заиграл. А дудка-то и запела: «Тятенька, родименький, убили меня за ягодки, за красненьки». Тятка как шарнул дудку о камень, дудка и раскопалась. Анечка выскочила живая и невредимая и давай плясать».

Дети войны

Бежецкого района

Тут и я слезаю с печки и пляшу. Бабушка давится от смеха и поет: «А татанчики – татанчики - тата, а татанчики – татанчики – тата». Так мы коротали зимние вечера.

Весной мы переехали в город. Черная тарелка - радио однажды сообщила, что фашистская Германия капитулировала и наступила Победа. Мама в то время работала в госпитале, но была выходная. Услышав про Победу, побежала в госпиталь и закричала: «Победа! Победа!». Один раненый отбросил костыли и стал плясать. А мне сказали – теперь твой папа Ваня вернется с фронта, и я стала ждать. Особой тоски я по отцу не испытывала, я не знала его. Я замечала, что в доме, где есть мужчина, живется намного легче. У нас всю тяжелую работу выполняли мама и бабушка. В детском саду к ребятам приходили отцы. Одному мальчику отец привез заводного крокодила. Он повернул ключиком, крокодил пополз по полу, раскрывая пасть. Сам зеленый, пасть красная. И я стала приставать дома, напишите на фронт, пусть папа мне привезет заводного крокодила. Мама написала дяде Вове. Вскоре пришла из Польши открытка, на ней был рисунок крокодила и письмо: «Ни живых, ни заводных крокодилов на фронте пока не встречал. Буду искать, а пока получи открытку».

Недавно я нашла сохранившееся письмо военному комиссару от 1947 года. Мама спрашивала о судьбе своего мужа, в том же 1947 году пришел ответ, что Таранич Иван Моисеевич пропал без вести. Значит можно хлопотать о пенсии. Но сначала надо доказать, что мама - жена своего мужа, а я дочь своего отца.

И мы поехали на Украину в 1948 году. Я не помню, как мы добрались до Москвы. До станции Гребенка мы ехали в телячьем вагоне, где все пассажиры спали вповалку на досках. Я заболела, и маме принесли водку, чтобы она растирала меня. Наконец мы добрались до конечной станции. До Лубен мы ехали на грузовике. Там нашли хату комиссара Бондарчука. Мама сказала: «Я жена Ивана Таранич, вот мои документы». Комиссар, указав на меня, сказал: «Вот ваши документы - вылитый Иван». Бондарчук и мама ушли в военкомат за справкой, меня оставили на попечение дяди Сережи. Я рассказала ему сказку «Теремок» и вышла на улицу.

Дети войны Бежецкого района

Когда мама и комиссар вернулись, мы пошли к командиру полка полковнику Москвичеву. Полковник предложил нам остаться в Лубнах, обещал похлопотать о жилплощади, предложил работу в воинской части. Но я испугалась, хотела домой, к бабушке, не хотелось оставаться здесь. Мама сказала, что подумает. Мы переночевали у двоюродной сестры отца тети Паши (много позже мы узнали, что это она выдала маму полицаям), а утром на грузовике уехали в село Литвяки. Вместе с нами в кузове ехали женщины, они голосисто пели, и с той поры, когда я смотрю мультфильм «Пес и волк», я вспоминаю поющих женщин из моего детства, они пели точь в точь как в мультфильме. В Литвяках сбежалось все село, кричали: «Иванова людына приехала», вертели меня во все стороны и повторяли – «вин, вин». Спрашивали, где Иван. Прибежала и тетя Настя, и ее сын Павел, и Ольга. Тетя Настя, как увидела нас, заголосила, задрала на спине рубаху, а там глубокие борозды, как будто на спине пахали. Оказывается, полицаи били ее нагайками, пытали, с мясом сдирали кожу: «Где партизанка?». А потом мы пошли в хату к тете Насте, мне у нее понравилось. В хате было светло, земляной пол был застлан соломой, печка была белоснежной. Когда мы уезжали, мне дали кролика, который по дороге оцарапал меня и убежал. До станции Гребенка нас довезли на лошади. Обратный путь мне показался короче.

Мне выдали пенсию за все годы, которые я прожила, за шесть лет. На эти деньги мы купили домик в деревне Мотуново и алюминиевую кровать, полутора спальную, с пружинным матрасом. Пенсию мне начислили 18 рублей. С каждой пенсии мне давали 1 рубль. Хватало на перышки, тетради и на конфеты «Золотой ключик».

Два года мы переписывались с семьей Москвичева, командира полка. Потом мы получили письмо от его жены, она писала, что ее мужа арестовали и, как врага народа, расстреляли. Мама плакала: «Такой хороший командир, до Берлина дошел, два раза ранен был. Немецкая пуля его пощадила, а своя нашла». «Враг народа» - эти слова мы часто слышали, но не понимали их. Мы считали, что живем в самой мирной и справедливой стране. Мы уверены были, что у нас счастливое детство и что товарищ Сталин заботится о нас. Мы верили в счастливое будущее, сейчас трудно, но будет лучше. Мы все время слышали от родителей: «Только бы не было войны».

Дети войны Бежецкого района

Мы были октябрятами, пионерами, комсомольцами и жили под лозунгом «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Мой отец украинец, но я выросла и воспиталась в России, и поэтому считаю себя русской. В 1941 году моей маме помогали выжить и сохранить ребенка украинцы, белорусы, русские. В 1941 году у них у всех был один враг – фашизм. И они вместе с другими народами одолели этого врага.

Моя бабушка долго не могла смириться, что ее сын Николай пропал без вести, и подавала записочки в церкви о здравии. Моя мама за мужа, моего отца, подавала тоже о здравии. Но в 1962 году произошло событие, которое заставило ее поверить, что мужа больше нет. У нас часто останавливались на ночлег родные из села, знакомые, которым бабушка шила. Комната была 13 метров, но всем места хватало, по 9 человек ночевали. Разложим на полу матрацы, набитые соломой, гости и спят. Кому надо в больницу, кому в суд, кому на базар купить-продать. В 50-годы ходил по домам фотограф. Предлагал увеличить фотографии, сделать портреты. Мы заказали портрет дяди Коли, отца. Повесили на стену. Зашел к нам как-то дядя Коля из деревни Андрейково, увидел портреты и застыл, потом долго плакал и говорит: «Эх, Ванька, Ванька, вот где пришлось увидеться». А мама стала спрашивать: «Откуда ты его знаешь?». Тот и рассказал: «Иван Таранич. Я вместе с ним был в лагере. Мне удалось убежать, а на Ивана ящики упали, переломали ребра. Он не смог выйти на работу, его отправили в газовую камеру». Мы запросили военкомат и получили извещение, что Таранич Иван Моисеевич умер в немецком плену 10 октября 1941 года. Еще до моего рождения. С тех пор мы стали подавать записки о упокоении.

«Все люди спят, лишь мать не спит сейчас.
И льются слезы из усталых глаз.
И много дней, и много лет
Она все сына ждет, а сына нет».

Когда я слышу эту песню, я вспоминаю бабушку, маму отца, которого я никогда не видела, мне некуда деться от войны. Вы скажете, что сейчас совсем близки другие войны. Но та-то была Великая Отечественная, народная. Об этом забывать никак нельзя.

Дети войны Бежецкого района

Фокин Юрий Николаевич

Юрий Николаевич родился в 1935 году в семье рабочего, и разгар его детства пришелся на тяжелые годы Второй Мировой войны. Семья Фокиных жила в Морозовских казармах на Пролетарке. Отсюда отец Юры ушел на фронт. Тогда было правило: перед праздником вручать подарки детям фронтовиков. В тот раз военком вручая восьмилетнему Фокину валенки, сказал то, что обычно говорили детям: "Это тебе от отца, с фронта". И еще один обычай родился во время войны: когда проходили воинские эшелоны, стоять у железной дороги и напряженно смотреть - а вдруг промелькнет родное лицо? Однажды Юра вот так же замер на высоком снежном откосе у Пролетарки. Сугроб рухнул вниз, и мальчишку вынесло к рельсам. Пока его крутило по склону, валенок (они были сильно велики) слетел, и его забросило между рельсами. С другой стороны стремительно шел товарняк. Но у мальчишки была тогда одна мысль: "Это ж, папкин подарок!" И Фокин потянулся руками за валенком...

Дети войны Бежецкого района

Из воспоминаний фронтового фотокорреспондента Якова

Берлина: Его отправили в город Калинин, чтобы сделать фоторепортаж о том, как после войны налаживается спортивная жизнь. В Парке текстильщиков Берлин увидел лихо игравших в футбол мальчишек. Достал фотоаппарат. Навел только что полученную новинку - телеобъектив.

Глянул в него и замер, не веря. Один из мальчишек бежал на протезе. Вместо рук у него были культы - одна до плеча, а другая чуть ниже локтя. Но Юра Фокин на равных с остальными пацанами играл в футбол. На равных он и в школе был юннатом, то есть копал грядки.

В 1955 году Юрий Фокин окончил школу № 5 г. Калинина, и собирался поступать в педагогический институт. Но с первого же экзамена ушел. Он писал сочинение, держа ручку в зубах. И не выдержал испуганных или жалостливых взглядов со всех сторон. В 1956 году Фокин поступил на работу в Артель "Художественные изделия" художником - расписчиком. Старые мастера научили его азам работы над сувенирами из дерева.

Дети войны Бежецкого района

И с этого момента в нем открылся талант к разработке новых образцов. Его образцы, а это образы героев русских народных сказок, бытовые сценки, потрясают выразительностью обыкновенных деревянных деталей, выточенных на станке, которыми пользовался Юрий Николаевич. За свой упорный и творческий труд в 1966 году Фокин награжден Орденом "Трудового Красного Знамени", в 1974 Орденом "Ленина", в 1977 году получил звание мастер - художник I класса, в 1979 году мастер - художник высшего класса, а с 1994 года Заслуженный работник культуры России.

Его композиции побывали на многих выставках в нашей стране и за рубежом: Японии, Бельгии, Канаде, Болгарии. Многие произведения Юрия Николаевича заслужили свое место в музеях города Твери и Москвы. За свою

жизнь Юрий Николаевич Фокин разработал и оформил более 1200 образцов.

Дети войны Бежецкого района

Николаевская Нина Павловна

Родилась в 1924 году.

Когда немцы объявили войну СССР, она обучалась в 9 классе образцовой школы. В зимние каникулы детей отправляли работать на лесозаготовки, в летние - на сплав леса. Затем, долгое время работала санитаркой в местном госпитале. Раненых поступало в госпиталь много, поэтому на работу уходили все силы. Помогая ухаживать за ранеными, Нина Павловна приобрела навыки медсестры.

После войны Нина Павловна, несмотря на все трудности, закончила с отличием педагогический институт в Ярославле.

Переехала в город Бежецк до самой пенсии работала в школе №4. И как говорит сама Нина Павловна: «Для меня четвертая школа, как родной дом».

Дети войны Бежецкого района

Бурков Владимир Иванович

Бурков Владимир Иванович родился в 1943 году в городе Киренск Иркутской области. Родители его были учителями. Из родных в войне участвовали 2 деда, 5 дядей и 2 брата (оба Петра). Дядя Коля получил орден Красного знамени, дядя Толя - орден «За отвагу».

В 1946 Владимир Иванович с родителями переехал в Бежецк. Мать работала воспитателем в детском саду. Жили они в квартире двухэтажного дома. Потом они семьей переехали в село Ведное.

Владимир Иванович вспоминает: «Помню, бегали мы вокруг школы в первом классе, в окно подглядывали, учитель нас увидел, за ухо поймал и в угол на весь день поставил».

Позже Бурков учился у своих родителей. В деревне жилось намного лучше в те годы, чем в городе. Продукты выращивали на огороде, воровали картошку, собирали крапиву для супа. Было трудно с одеждой, ее перешивали от старших к младшим. И все были уверены в победе. На фотографии представлена - бабушка Владимира Ивановича.

Дети войны Бежецкого района

Губина Нина Кузьминична

Когда началась война, мне было 4 года. Что помню в этом возрасте... Я жила в селе Присеки. В 1941 году к нашему дому подъехала грузовая машина с односельчанами. Мой папа сел в эту машину. Эта машина увезла их всех на фронт. И всю войну, когда мимо нашего дома проезжала машина, мы с младшей сестрой, которой было 2 года, кричали: «Машина, привези папу!» Но папа к нам не вернулся. Он погиб под Ленинградом в 1942 году. На него у нас есть извещение. Его имя вписано в книге памяти Тверской области Бежецкого района.

Что еще я помню о войне... Мама нас выводила на крыльцо вечером и показывала: «Видите зарево на западе? Это горит Калинин... И ухают орудия – это бомбят Калинин». У нас в доме стояла воинская часть на отдыхе, и даже на крыльце стоял часовой. У меня был брат 1923 года рождения. Когда он уходил на фронт, то поцеловал нас и сказал: «Растите большие». Он служил в минометном полку. Погиб под Ржевом в 1943 году. Я знаю, с нашей Бежецкой земли ушли на фронт 11720 человек, а не вернулись домой более 8 тысяч.

Дети войны Бежецкого района

В память о погибших бежечанах в Бежецком районе зарегистрирована местная общественная организация (дети погибших защитников отечества). Я являюсь председателем этой местной организации. В нее входят 1112 человек из Бежецка и района. Наша местная организация входит в состав региональной общественной организации Тверской области. Во главе ее стоит генерал – майор Грибов А.В., и входит в областную организацию более 12 тысяч человек.

В 2007 году состоялась конференция в городе Бежецке, и мы возложили венок к обелиску Победы в память погибшим бежечанам. 14 апреля 2010 года состоялась конференция нашей организации в городе Тверь в доме офицеров. Там почтили память всех погибших тверитян в годы ВОВ. На ней присутствовали 39 делегатов из 19 районов области. Там мы приняли обращение в государственную Думу РФ, в общественную палату РФ, к федеральному собранию Тверской области, губернатору Тверской области Зеленину, в котором просим обратить внимание на детей войны, чьи отцы и матери погибли в годы ВОВ 1941 – 1945 годов, так как они пережили трудные годы в войну, после войны, перенесли голод, холод, смерть родных, а их руками было восстановлено разрушенное хозяйство в годы войны.

Но главная цель нашей организации – никто не забыт, ничто не забыто. Дети войны – это последнее звено в цепи, которое связывает нас с ВОВ 1941 – 1945 годов – войной народной, войной священной.

Дети войны Бежецкого района

Кузнецова Вера Васильевна

На момент начала Великой Отечественной войны, Вере Васильевне было 6 лет, и находилась она в гостях у бабушки в Ленинграде. Когда немцы окружили Ленинград, она с мамой поехала в Тверскую область по Ладожскому озеру. Вдруг прогремел взрыв, и машина, ехавшая позади, вдруг исчезла.... Не поняв, что машина ушла под лёд, маленькая Вера спросила у матери, куда делся автомобиль, и за это получила по лбу и громко заплакала, и тогда все в машине вдруг зарыдали. Жила семья в маленьком деревенском доме, окна которого выходили на Калинин, поэтому ночью из-за пожаров в комнате было очень светло. Чтобы спокойно спать приходилось занавешивать окна всем, чем придётся.

Училась Вера Васильевна в соседней деревне. Когда она обучалась в третьем классе, по приходу в школу в один день, им сообщили, что уроков не будет. Дети обрадовались и спросили причину, на что учитель сказал: «Война кончилась!». Девочка бежала радостная 3 километра, чтобы сообщить всем эту радостную новость, но ей сразу не поверили. Через некоторое время в деревню прибыл представитель советской власти и сообщил о победе!

Дети войны Бежецкого района

Составители:
ученики 2 "А" и 4 "А" классов
Средней общеобразовательной школы №4
им. В.Бурова

Редакторы:
классные руководители
Демина Елена Анатольевна,
Безрук Наталья Владимировна

Адрес: г. Бежецк Тверской области

пер. Первомайский, д.35/7а

Тел. 8(48231) 2-27-97

Директор: Наталья Владимировна Ямщикова

e-mail: schoolbur@mail.ru

